

Социальная трансформация аграрного сектора постсоветского пространства 1990-1395 гг.

**Теодор ШАНИН,
профессор Манчестерского университета
(Великобритания),
Московская высшая школа
социальных и экономических наук**

Сельская Россия

В прошлом столетии в России начало развиваться крестьяноведение. Это не случайно, и в этом нет ничего особенного, присущего только российскому обществу. Россия того времени была сельскохозяйственной страной. Большую часть ее населения составляло крестьянство. Если же рассматривать другие страны Восточной Европы того времени, скажем, Румынию, то можно увидеть, что о крестьянстве в этой стране написано гораздо больше, чем в Англии, а в Польше гораздо больше, чем в Германии. Восточная и Центральная Европа занимала ведущие позиции в области развития крестьяноведения. Для стран развитой индустрии того периода (Англии, Америки) была характерна монополия идеи прогресса и убеждение, что развитие происходит в направлении массовой индустриализации мира, массового появления и развития городов. Здесь считалось, что крестьянство уходит в прошлое, и все связанные с ним проблемы не интересны, поскольку прогрессивные ученые должны заниматься вопросами, касающимися будущего, а не прошлого, и лишь историки, фольклористы должны изучать проблемы крестьянства.

В то же время большую часть колониального мира контролировали страны — властители. Если индусу предоставлялась возможность получить хорошее образование, то он учился в Оксфорде или Кембридже вместе и наравне с молодыми людьми из западных индустриальных стран и приобретал знания, которые были далеки от реальной жизни его страны. Это приводило к тому, что интеллигенция колониальных стран, население которых на 90—95% состояло из крестьян, получив образование на Западе, знала древнегреческий язык или историю Саксонии, но почти ничего не знала о собственной стране. В особых исторических условиях в период быстрого интеллектуального развития, выделился район, в котором ученые стали серьезно заниматься проблемами крестьяноведения. Этот район не был ни колониальным, ни высоко индустриальным. Здесь была хорошо развита университетская система, был слой интеллигенции и т.д. Кроме того, большинство населения этого района связывало вопросы, касающиеся крестьянства, с национальной борьбой за независимость многих народов и с борьбой за социальную справедливость во многих странах. В этом регионе было создано крестьяноведение, тесно связанное с "зеленым движением", которое после второй мировой войны начали называть "зеленым интернационалом". Это была группировка крестьянских партий, которые выражали или пытались выразить политические интересы крестьянства. 30-е годы стали периодом гибели крестьяноведения в прямом смысле этого слова, потому что в странах, в которых оно было развито в наибольшей степени, прошла волна диктатур — сталинской диктатуры в России, военных и националистических диктатур в Болгарии, Румынии, Польше и других странах, которая привела к уничтожению сложившихся на тот момент традиций крестьяноведения. Его возрождение в западном мире началось в 50-х годах. А к 60—70-м годам оно стало одним из важнейших направлений развития науки в связи с усилением социальной борьбы бывших колониальных и полуколониальных стран (Вьетнам, Китай, страны "третьего мира"). В центре внимания научной общественности в тот период оказались вопросы о том, "Почему развитие этих стран идет медленнее, чем ожидалось?", "Почему отставание увеличивается, а не уменьшается?", "Что происходит в этих странах?", "Чем они отличаются от других?" — и в этом проявилось заинтересованное отношение к "Великому Незнакомцу", т.е. к крестьянскому большинству. Началось необыкновенно быстрое развитие наук, изучающих проблемы крестьянства. Интерес к нему связывается также с тем, что начали возрождаться традиции и изучаться заново наиболее важные материалы, которые занимали центральное место в этой проблеме. Настал также период возрождения интереса к русскому крестьян-

ству. Немалую роль в этом сыграли работы профессора Левина — участника этого симпозиума, мои работы и работы других коллег.

В 90-х годах мы начали новое крупное исследование русского крестьянства. Связано это с тем, что у западных ученых впервые за многие годы появилась возможность не только наблюдать за русским крестьянством со стороны или получать государственные статистические материалы о его жизни и деятельности, но и более глубоко изучать этот вопрос, наряду с российскими учеными. Мы начали с исследования "Социальная структура советского села", которое теперь называем между собой "старым исследованием". Затем оно было продолжено и вылилось в исследование, которое мы называем "новым". Если быть точными, то наше исследование посвящено "Социальной структуре постсоветского села", поскольку началось оно в одной стране — Советском Союзе, а закончилось уже в шести странах — в результате распада СССР. Все в мире быстротечно, и эти быстрые изменения, происходящие в мире, сильно повлияли на нашу работу.

Остановлюсь на особенностях методологии, которую мы использовали. Существуют два подхода, которые чаще всего применяются в работе при изучении крестьянства. *Первый* — это сравнительно быстрое, поверхностное исследование массового материала. В этом случае берутся тысячи сел, собираются анкеты и делается попытка проанализировать содержащиеся в них данные. *Второй подход* предполагает более углубленное исследование, связанное с непосредственным изучением села на месте. Ученые поселяются в определенном селе на длительное время (год, два) и работают на основе методов, особенно развитых в социальной антропологии. Они живут в селе и описывают жизнь этого села — чем живут люди в нем, как они работают, как оно функционирует и т.д. Мы связали оба эти подхода.

В первом исследовании мы выбрали примерно 25 российских сел, в которых работали наши группы. Хочу оговориться, что число групп время от времени менялось. Были периоды, когда работали девять групп, а были моменты, когда работали шесть групп. В каждом селе группа из двух наших коллег работала восемь месяцев. Затем они отдыхали, заканчивали работу по описанию данного села и после этого переезжали в следующее село. Таким образом, каждая группа работала в трех селах, что по времени составило примерно два с половиной года. Спустя год после начала этой работы параллельно начала работать еще одна группа ученых, которая обследовала нероссийские села, т.е. села Казахстана, Киргизии, Туркменистана, Армении и Узбекистана. В Белоруссии мы не работали, но одна белорусская группа участвовала в российском исследовании. Каждая группа работала в своем районе: этническом

(Северный Узбекистан или Южный Узбекистан) или географическом (русские села; скажем, Север — это Вологда и Архангельск; Волга — это Саратов и его область и т.д.; выборка строилась с севера на юг по географическому и региональному принципам).

Таким образом, было начато исследование новой категории сел — нероссийских. Одновременно начали работу и исследователи-историки. В большинстве тех сел, где работали полевики-социологи, исследователи-историки под руководством Виктора Данилова вышли на архивные материалы по тем же селам. В результате закончившегося в 1994 г. нашего первого исследования, которое мы называем "старым", были собраны весьма объемные материалы (16 тыс. страниц компьютерного текста), которые послужат базой для анализа будущим исследователям. Мы собираемся открыть для научной общественности этот архив собранных материалов о прошлом сельской России. В центре этого исследования — переход от прошлого к настоящему. Мы работали над тематикой "Прошлое — настоящее".

Наше обследование было построено на пяти центральных вопросах. *Первый* — "История семейств". Описание этой истории основывалось на воспоминаниях старейших членов семейств, как правило, начиная от коллективизации, но порой захватывался и период до коллективизации, потому что учитывались также и воспоминания, услышанные рассказчиками от лиц старшего поколения. В отдельных случаях они приходились и на начало столетия. *Второй* — "История села в памяти людей". *Третий* — "Бюджеты доходов и расходов населения". *Четвертый* — "Бюджет времени", скажем, рабочий день мужчины, рабочий день и рабочая неделя женщины.

Пятый — вопросы, связанные с властью. Собранный материал необыкновенно богат. Мы начали аналитическую работу над ним и столкнулись с массой интересных проблем, анализ которых займет десятки лет. Вместе с тем есть один вопрос: "Исследования бюджетов, доходов и расходов", который у нас совершенно сорвался. В середине нашего исследования (в 1991—1993 гг.) началась обвальная инфляция. Все цены сильно изменились, а мы к этому не были подготовлены. Мы предполагали, что бюджетные исследования будут проводиться на базе сравнительно стабильных цен. И поэтому на данный момент мы имеем лишь четыре прилично отработанных вопроса. Однако и эта неудача преподнесла нам урок. Она научила нас кое-чему в том плане, как поступать в следующий раз.

Теперь немного о новом исследовании, которым мы занялись с 1 января 1995 г. Мы выбрали семь сел, которые являются типичными для сельских регионов России (с Севера на Юг, в основном в европейской России, за исключением Кургана). Отличие этого

исследования состоит в том, что мы рассматриваем полный сельскохозяйственный цикл, вместо того, чтобы взять определенную часть цикла и додумывать, что происходит в другой его части. Работу мы начали в январе 1995 г., однако полный годичный цикл завершится 1 апреля 1996 г. Тема исследования: "Реальная экономика и реальная политика села". Реальная экономика рассматривается нами в том смысле, что учитываются не только стоимостные оценки деятельности хозяйства, но и доходы в натуральном выражении. Поясню это на примере. Рассмотрим такую структуру семьи, в которой дети — в городе, а старики — в селе. Собственно говоря, это особая социальная единица, и мы изучаем ее как целое, а не разрываем ее на две части, и в единстве следим за тем, что происходит с бюджетом этой семьи. В этом исследовании мы учли опыт прошлой работы над бюджетами. Сначала создали картину сети семейно-экономических связей. И только после этого перешли к сбору сведений о семейных бюджетах. Такое бюджетное исследование гораздо богаче традиционно проводимых.

Мы поставили перед собой задачу выяснить и вопрос крестьянской власти. И власти, опять-таки, не формальной (кто, так сказать, формально, начальник), а фактического контроля за ресурсами. Кто контролирует реальные ресурсы в *селе*, кому принадлежат трактора, земля? Как изменяется отношение к земле, средствам производства в период, в течение которого, на мой взгляд, сорвалась аграрная реформа, но вместе с тем произошли огромные изменения. Таким образом, мы хотели понять, с *одной* стороны, почему сорвалась аграрная реформа, а с другой — почему происходят огромные изменения, и в чем они заключаются?

Что же связывает наше первое и второе исследования? Это, во-первых, сравнительный метод, где параллельно идут процессы углубленного изучения ситуации в разных селах, а затем их сравнения. Во-вторых, принцип работы "снизу", где материал не обрабатывается, а собирается и лишь после этого обрабатывается. Мы не принимаем все, что нам говорят, на слово, как само собой разумеющееся, а углубленно изучаем (т.е. внедряемся в среду, входим в доверие, становимся как бы своими). В связи с этим наши коллеги, которые поселяются в селе, первые месяцы казалось бы "ничего не делают". Они не задают никаких вопросов, а просто знакомятся с людьми, дают людям присмотреться к себе. Самая главная задача, которая стоит перед ними — это успокоить людей, дать им понять, что приехали не финансовые инспекторы, а люди, которые остаются на длительное время и не собираются уезжать через три-четыре дня. Они приехали также не для того, чтобы пускать пыль в глаза селянам. И это важно, поскольку в этом случае крестьяне не будут обманывать, отвечая на вопросы, зная, что эти

люди останутся и останутся надолго, а лодка всплывет через какое-то время. И только по прошествии нескольких месяцев (в нашем случае с января по апрель 1995 г.) начинается работа по сбору материалов: о семейных бюджетах, политических связях и т.д. При проведении первого исследования мы работали только в селах и в семьях. И из села мы не выходили. Во втором же исследовании мы *вышли* уже на уровень районов, так как главным звеном политической власти для крестьян чаще всего является район. Поэтому, если исходить из реальной политики, не замыкаться только на реальную экономику, то необходим выход на более высокий уровень, чем *село*, т.е. необходимо продлить цепочку семья—село—район, иначе задуманное исследование не даст нужных нам результатов.

Теперь остановлюсь на методологии и полученных на ее основе результатах. Важным принципом нашей методологии является работа на местах (снизу), основанная на скрупулезном, углубленном изучении и сопоставительном анализе, на прямых контактах с сельским населением и т.д. Хочу обратить Ваше внимание на то, что почти все горожане слабо понимают село (так же, как и селяне в какой-то мере не понимают город, но в меньшей степени). И поэтому, когда горожане идут работать в село для того, чтобы получить серьезные, качественные, достоверные результаты, они должны научиться тому, как это делать. Свидетельством этому могут служить результаты, полученные одними и теми же людьми, но в разное время. Так, сравнивая материалы "старого исследования", полученные в первом (восьмимесячном) цикле, с результатами третьего цикла, мы видим, что последние несравнимо лучше первых.

Я лично верю, что лучше методологии, чем выработанная самими исследователями, нет и быть не может. Мой любимый социолог Чарльз Миллс сказал когда-то, что "каждый социолог должен быть сам себе методологом". Методологию нельзя взять с полки, запустить ее в дело и ждать результатов. Можно перенять какие-то элементы методологии у других ученых, необходимо учиться методологии у других коллег, но работать надо только на основе своей собственной методологии. А собственная методология вбирает в себя соображения и идеи не только руководителя, но и всех остальных коллег. Поэтому мы ввели традицию "длинного стола" для обмена мнениями, которая стала частью нашей жизни. Состоит она в том, что вся группа исследователей встречается за "длинным столом" каждые три месяца. На этих встречах обсуждаются содержательные вопросы жизни села, проблемы методологии, позволяющей выйти на эти вопросы, конкретные вопросники и т.д. А затем шаг за шагом мы начинаем выработать, изменять и дополнять

свои же собственные методики. Происходит изменение методологии, хотя с каждой встречей она меняется все меньше и меньше. Говоря о собственной работе, мы делимся своим опытом и перенимаем опыт других коллег. Люди, прошедшие такую школу, становятся независимыми учеными, они перестают быть техниками, которые собирают для кого-то материал, не очень понимая, что они собирают. Одно из достоинств этих двух исследований — это то, что они стали университетом для всех нас, включая меня. Мы превратили свою работу в непрерывный процесс обучения: изучаем собственные методы работы, отрабатываем их, разрабатываем новые. В тех случаях, когда уже есть достаточно проработанная методология, скажем, такая, как для бюджетных исследований в учебнике Чайнова, мы брали ее за основу и начинали дорабатывать, исходя из реальных условий. В результате эта методология претерпела существенные изменения и сейчас выглядит по-другому. Это и есть непрерывный процесс развития, хотя, конечно, чайновская база, заложенная в наше бюджетное исследование, осталась и останется его гордостью.

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, это полученные результаты. Во-первых, после первого исследования у нас имеется архив по сельской России общим объемом в 16 тыс. страниц. Есть также материалы по Центральной Азии и Армении. Постепенно собираются материалы и второго исследования России. Ежемесячно идет обработка электронных таблиц, в результате чего собирается материал. К концу 1996 г. мы будем иметь готовый материал второго исследования. Параллельно мы постепенно анализируем собранные материалы, поскольку работаем в быстро меняющихся условиях, и если во-время не начать аналитической обработки, то можно что-то потерять или упустить. Материалы наших исследований постепенно появляются на страницах книг. В конце 1995 г. был подготовлен первый выпуск ежегодника "Крестьяноведение". Мы надеемся каждый год выпускать это издание. В нем будут отражаться результаты наших исследований. Ежегодник выходит под редакцией Виктора Данилова и моей. Вышел в свет сборник "Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах", содержащий восемь рассказов о жизни крестьян, записанных с их слов. Это базовый материал, позволяющий глубже понять жизнь крестьян, пережить вместе с ними все тяготы и невзгоды, которые они вынесли на своих плечах, оценить колорит и почувствовать всю прелесть их языкового изложения. Лет пять тому назад за "длинным столом" мы обсуждали, насколько люди готовы говорить с нами, насколько они не замыкаются, когда мы задаем вопросы. Все коллеги ответили, что люди говорят сравнительно легко и открыто. А Илья Штейнберг добавил: "У меня такое

чувство, что они 50 лет нас ждали. 30 лет — потому что боялись и 20 лет — потому что никто их не слушал". Я думаю, это может стать эпиграфом всего нашего исследования. Это исследование важно для России, особенно для россиян, живущих в городе, поскольку основная часть горожан, которые чаще всего в первом поколении — дети крестьян, но уже не крестьяне. А эти исследования помогают сохранить живую память их праотцов и отцов — крестьян.

Мы собираемся подготовить книгу по методологии. Но это не будет означать, что эту книгу достаточно будет снять с полки, чтобы немедленно развернуть исследование в каком-то новом направлении. Мы попытаемся дать оценку проделанной работе, чтобы люди могли учиться на нашем опыте, а не повторять того, что мы сделали, потому что каждый социолог, экономист, историк должен иметь свою собственную методологию в работе с крестьянством. Мы продолжаем также аналитическую работу над целой серией тем, таких как: "Экология села", "Семья в селе", "Сельский двор", "Политические системы, которые действуют в селе, и власть" и т.д. Параллельно наши историки подготовили к печати обширный материал, о котором, я надеюсь, скажет Виктор Данилов.

Мы предполагаем провести также серию конференций по теме: "Новые сильные и новые слабые российского села", которая все чаще становится центральной темой сегодняшнего дня. Хотелось бы остановиться и на тех работах, которые напрямую не связаны с нашим исследованием, но являются результатами трудов наших коллег, работающих в Центре крестьяноведения и сельских реформ Московской высшей школы социальных и экономических наук и в Интерцентре. В 1995 г. вышла в свет необыкновенно важная и являющаяся центральной для понимания российской истории книга "Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. ("Антоновщина"): Документы и материалы", в которой впервые дается наиболее полный документальный материал о самом крупном крестьянском восстании начала 20-х годов. В книге приводятся документы обеих сторон, показывающие обстановку, породившую массовое восстание тамбовских крестьян против большевистской диктатуры, его характер, идеологию и ход. Готовится к печати книга о Филиппе Миронове под названием "Тихий Дон в 1917—1921 годах. Трагедия Филиппа Миронова: Документы и материалы". Я надеюсь, что Виктор Данилов в своем выступлении скажет об этом, поскольку, на мой взгляд, это важно для людей, собравшихся здесь. Между прочим, в ежегодник "Крестьяноведение" мы ввели рубрику: "Хроника научной жизни", потому что всем нам, ученым, необходимо знать, что происходит в мире науки, какие работы ведутся в Институте экономики, на Урале, в Иркутской области и т.д.

А теперь мне хотелось бы предоставить слово моим коллегам, которые расскажут о четырех направлениях в наших исследованиях: "Крестьянские общества сегодня", "Семейная экономика в российском селе", "Крестьянство и власть", "Экология сельской России, 1900—1995 гг." Совершенно ясно, что за 15 мин. рассказать о работе, над которой работал пять лет (а каждый из них работает над этим уже пять лет), это значит показать только верхушку айсберга. Поэтому вы узнаете лишь малую толику того, что они сделали — самую суть. А во время дискуссий можно продолжить обсуждения и ответить на вопросы. Те наработки, которые были сделаны за это время, будут обсуждаться и анализироваться еще длительное время. В них материала — еще на много книг. Ученые смогут работать с этим материалом, который в виде архива будет храниться в библиотеке Московской высшей школы социальных и экономических наук. Он будет доступен для ученых как этой страны, так и других стран.